

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Carleton S. Coon. *The Origin of Races*. New York, 1963.

Автор рецензируемой книги хорошо известен в антропологии своими исследованиями расового состава народов Северной Африки, раскопками в Иране и многими другими работами. Его перу принадлежат также обширные труды теоретического характера по расам Европы, по общим проблемам расоведения и антропогенеза.

Книга «Происхождение рас» занимает особое место в деятельности Куна. Она задумана как первый из двух томов разностороннего исследования, посвященного человеческим расам (предполагаемое название второго тома — «The Living Races of the World»). Это действительно капитальный труд объемом в 121 стр., включающий 39 таблиц, 13 карт, 84 рисунка, 32 фототаблицы. К работе приложен список литературы примерно из 650 названий. О масштабе рецензируемой книги также говорит список периодических изданий, на которые ссылается автор: их число равно 181. Автор приносит благодарность многим учреждениям и лицам, в частности Wenner-Gren Foundation, с помощью которой он смог в 1955 г. посетить Северную Родезию, а в 1956—1957 гг. получил возможность облететь почти весь мир.

Книга состоит из 13 глав, носящих следующие названия: 1. Проблема происхождения рас (стр. 3—37); 2. Эволюция путем адаптации к окружающей среде (38—71); 3. Эволюция путем социальной адаптации (72—118); 4. Отряд приматов (119—150); 5. Место человека среди приматов (151—185); 6. Свидетельства палеонтологии: от лемуринов до «болотных» обезьян (ореопитеков) (186—216); 7. Самые ранние гоминиды (217—304); 8. Введение к ископаемому человеку (305—370); 9. Питекантропы и австралонды (371—427); 10. Синантроп и монголоиды (428—481); 11. Кавказоиды (482—587); 12. Африка (588—657); 13. Мертвый и живой (658—666).

Книга чрезвычайно богата фактическим материалом, и было бы неосуществимой задачей пытаться даже в развернутой рецензии изложить содержание всех ее глав. Достоинство труда Куна и состоит главным образом в обилии фактов, почерпнутых автором или из собственных исследований или из литературы, притом главным образом новой и нередко труднодоступной. Важно и то, что автор стремился всюду, где только возможно, понять функциональное значение морфологических особенностей скелета ископаемых и современных гоминид и их предшественников. Эти достоинства, а также содержащиеся в труде Куна интересные мысли, живое и ясное изложение могли бы сделать его крупным и положительным явлением в антропологической литературе. К сожалению, руководящая идея автора заставляет отказаться от такой оценки. На этой основной идее мы, естественно, и остановимся более подробно. Речь идет о разработанном Куном своеобразном варианте полицентризма, крайне тенденциозно освещающем проблему происхождения рас.

Автор посвятил свой труд Францу Вейденрейху, как основателю полицентрической теории происхождения человечества. С первых же страниц своей книги Кун заявляет о том, что ему уже очень давно казались косными, догматическими и ложными антивейденрейховские воззрения. В конечном итоге он приходит к выводу, что примерно около полумиллиона лет назад на земле жил один вид людей — *Homo erectus* (питекантропы, синантропы и им подобные), может быть, уже разделявшийся на те же пять основных рас, которые и сейчас составляют главные подразделения человечества: австралоидов, монголоидов, кавказоидов, конгоидов (негры) и капоидов (бушмены и лоттентоты). Затем *Homo erectus* превратился в *Homo sapiens*, но не один раз, а пять,

потому что каждый подвид независимо от других на своей территории перешел порог, отделявший более архаичный вид *Homo erectus* от нового, прогрессивного вида *Homo sapiens* (стр. 658).

Нетрудно увидеть общие черты в полицентризме у Куна и Вейденрейха. В обоих случаях (это вытекает из самой сущности полицентрической теории) расовые различия у человека древнее, чем его видовые свойства. Как и Вейденрейх, Кун считает, что процесс шел в разных областях с очень различной скоростью, а именно: в Европе гораздо быстрее, чем в тропическом поясе. Оба автора считают, что прародиной европеоидной расы была Западная Азия. Оба уделяют много места морфологическому сходству между синантропом и монголоидами.

Различия во взглядах Куна и Вейденрейха заключаются в том, что Кун: 1) не принимает ортогенеза и отводит важнейшую роль в эволюции отбору; 2) резко отделяет негров от бушменов и рассматривает их как представителей двух независимых линий развития гоминид; 3) не выделяет палеоантропов ни как стадию эволюции, ни как систематическую единицу. Однако наиболее существенное различие заключается в том, что Кун использует полицентризм для обоснования расистской теории о неполноценности экваториальных народностей и о пользе расовой сегрегации. Нужно, впрочем, отметить, что Кун делает это в сдержанном тоне. О нежелательности метисации он пишет прямо только один раз (гл. 12, стр. 662).

Основная задача первых глав книги Куна — показать, как были часты в отряде приматов явления параллелизма. В качестве примеров Кун приводит сходство между низшими узконосыми и широконосыми обезьянами, которые приобрели независимо друг от друга множество сходных прогрессивных черт, отличающих их и других от лемуринов и долгопятов. Кун указывает на такие явно конвергентные явления, как брахиация человекообразных обезьян и коат, выступание носа у человека и у некоторых азиатских низших обезьян, голубой нос мандрилы и «синее пятно» в крестцовой области у некоторых рас человека, характер стертости коронок зубов у гигантопитека и у гоминид. Эти явления, по мысли Куна, указывают на вероятность того, что разные формы *Homo erectus* могли независимо друг от друга превратиться в более прогрессивный вид *Homo sapiens*.

Сознавая, что неограниченная плодовитость потомства при смешении современных рас несоместима с полицентризмом, если ископаемые люди принадлежали к разным видам и тем более подродам или родам, Кун резко возражает против стремления многих палеонтологов и систематиков «творить виды и роды», т. е. преувеличивать таксономические различия между подвидами у современных и ископаемых приматов. Так, Кун сомневается, в частности, в том, что карликовый шимпанзе (*Pan paniscus*) заслуживает квалификации в качестве особого вида. Однако Кун не устраняет стоящей перед ним трудности. Как мы дальше увидим, по Куну, расы человека смешивались между собой на такой стадии их развития, когда один из них еще принадлежали к виду *Homo erectus*, а другие уже превратились в вид *Homo sapiens*. Как объяснить неограниченную плодовитость потомства, возникшего от смешения двух разных видов? Эта трудность была бы устранена при допущении, что процесс возникновения *Homo sapiens* осуществлялся на менее широком пространстве и что смешение происходило между местными палеоантропами и сформировавшимся, а не готовым видом *Homo sapiens*.

Среди прямых доказательств правильности полицентрической теории довольно большое место занимает у Куна морфологическое сходство между древнейшими, древними и новыми гоминидами в пределах каждого ареала.

Австралондную линию автор ведет от питекантропа IV к тринильским формам, затем через Нгандонг к Вадьяку и, наконец, к ископаемым и современным австралийцам. При этом Кун указывает, что к этой точке зрения, высказанной еще Дюбуа, а затем Вейденрейхом, примкнули впоследствии Валлуа, Пивто и другие.

Очень много аргументов приведено относительно родства синантропа и монголоидных рас. Помимо большого сходства в деталях строения зубов, Кун указывает на аналогии по многим признакам строения черепа и других частей скелета. В параграфе, посвященном месту синантропа в родословной линии гоминид, помещен список из 17 таких общих черт. В подтверждение правильности полицентрической теории Кун приводит монголоидные особенности зубов из Тинь-Цзун (Ting-Tsun), фрагментов верхней челюсти и зубов из Чаньянь (Changyang), черепа из Мапа, зубов из Сара-Оссо-Гол (Sjara-Osso-Gol) и др.

В большой главе о кавказоидах значительное место уделено западным неандертальцам, которых Кун, равно как и их предшественников в Западной Европе, начиная с гейдельбергского человека, относит к кавказоидной линии. Кун считает ошибочным распространять термин «неандертальцы» на каких-либо других древних людей, обитавших за пределами ареала европеоидной расы. В таблице (стр. 335), названной «ступени и линии ископаемых гоминид», неандертальцы, в отличие от всех других, не попали ни в группу *Homo erectus*, ни в группу *Homo sapiens* и обозначены просто «неандертальцы». Однако в тексте (стр. 521) говорится, что европейцы последней межледни-

ковой эпохи (рисс-вюрм) (т. е. предшественники неандертальцев) могли произойти от европейцев большой межледниковой эпохи (миндель-рисс), которые уже переступили порог между *Homo erectus* и *Homo sapiens*, но не очень далеко от него ушли. Таким образом, по-видимому, неандертальцы в общем могут быть, по Куну, включены в вид *Homo sapiens*. Кун, впрочем, считает очень вероятным, что к европейским неандертальцам примешалась кровь североафриканских людей, родоначальников капоидов, т. е. бушменской линии эволюции.

Как уже было сказано, люди позднего палеолита и их культура, по Куну, возникли в Западной Азии. С их приходом в Западную Европу неандертальцы вымерли:

Гораздо более сложной и во многом еще неясной, по мнению Куна, была картина эволюции негрской (конгоидной) и бушменской (капоидной) рас.

В итоге подробного анализа Кун приходит к гипотезе о миграции предков капоидов из Северной Африки, где была их прародина, на юго-восток и затем в Южную Африку. Эта миграция произошла под натиском европеоидной расы, которая проникла в Северную Африку в послеплейстоценовое время. Предки капоидов нам известны по таким находкам, как атлантропы, люди из Темара, из Сиди Абд ер-Рахмана, Рабата и Танжера. В Южной Африке они застали местных конгоидов.

Что касается конгоидов, то история их еще почти не открыта. Прародиной их, вероятно, была Западная Африка, откуда они распространились на юг, где мы и находим их остатки: это человек, известный под названием Шель-3 из Олдвая, примерно современник синантропа, затем гораздо более поздние Салданья и Брокен-Хилл. Предки конгоидов разделились на две группы: одна, попавшая в чащу тропического леса, превратилась в пигмеев под влиянием особых условий своего обитания; другая, расселившись на более открытых пространствах африканского материка, сохранила свой высокий рост. Смешению с пигмеем современные негры обязаны выпуклой формой лба и некоторыми другими признаками «детского» характера.

Главные аргументы Куна в пользу миграции капоидов из Северной Африки таковы: бушменская раса не могла бы сформироваться как самостоятельная, не будучи отделена от негрской почти непреодолимым географическим барьером; таким барьером была Сахара, если допустить северное происхождение бушменов; если бы этими пришельцами были бы не бушмены, а негры, которые, прибыв с севера, смешались с аборигенами юга — бушменами, то осталась бы совершенно неразрешимой «загадка» пигмеев, в общем очень сходных с неграми; черты сходства с бушменами можно видеть на черепе Синга (недалеко от Харгума, не моложе 5000 и не старше 10 000 лет), на черепе Хома мезолитического времени на берегу оз. Виктория (большая уплощенность носа), на недавно (в 1962 г.) найденном древнем черепе в Марокко, в Джебел Игуд (с сильным альвеолярным прогнатизмом и очень плоским лицом в его верхнем отделе); сходство наскальной живописи в Тибести с бушменской; очень малая древность бушменской живописи на юге Африки; бушменский язык и морфологическое сходство с бушменами у народа сандаве в центральной Танганьике. Гипотеза Куна о происхождении капоидов, как мне кажется, заслуживает внимания.

В конце книги, как уже упоминалось выше, говорится о существующей у всех рас тенденции сохранять свою чистоту и о биологической полезности этой тенденции. Вместе с тем, автор подчеркивает (это им было сказано ранее, в гл. 5, стр. 183—185), что среди кавказоидов также имеются культурно отсталые народы (ведды, некоторые дравидийские племена) и что поведение в этом смысле не определяется расой («behavior in this sense is not a matter of race»).

Хотя автор стремится везде приводить доказательства своих положений, нельзя сказать, что все части его книги согласуются друг с другом. Так, если первая половина книги как бы готовит читателя к принятию преобладающей, почти исключительной роли независимого параллельного развития человека в пяти областях Старого Света, вся вторая половина книги очень большое место уделяет смешению. В конце 9 главы на стр. 427 он пишет: «Мне думается, что переход от *Homo erectus* к *Homo sapiens* в этом квадрате (на юго-востоке Азии.— Я. Р.) была следствием притока генов из монголоидного источника». Рассматривая вопрос о происхождении европеоидов, автор пишет, что, занимая в Западной Азии, области их происхождения, центральное положение, кавказоиды «непосредственно и одновременно принимали в свою среду гены от трех других подвидов...» (стр. 486). Вследствие этого, заключает Кун, кавказоиды — наименее чистая из всех человеческих рас (стр. 486). Относительно перехода от *Homo erectus* к *Homo sapiens* у монголоидной расы автор также не уверен, что это превращение произошло самостоятельно: «Единственное серьезное сомнение, которое остается, заключается в следующем: испытал ли синантроп те мутации в центральной нервной системе, а, возможно, и в эндокринной системе, которые преобразовали его из *Homo erectus* в *Homo sapiens*, один и без посторонней помощи, или кто-то другой, кто раньше прошел через этот процесс, участвовал в этом путем смешения?» (стр. 480—481). Аналогичные мысли Кун высказывает относительно происхождения капоидов.

Смешения, о которых здесь идет речь, не ограничиваются контактами в пограничных зонах. Кун очень часто прибегает к теории самых далеких миграций, которые преодолевают планетарные расстояния и почти любые препятствия. Мы уже говорили о

переселении предков бушменов с берегов Средиземного моря до мыса Доброй Надежды. Некоторые черты сходства между синантропом и ресс-вюрмским человеком из Саккопасторе Кун предположительно объясняет тем, что потомки атлантропа (похожего на синантропа) переправились через Тунисский пролив Средиземного моря из Африки в Италию и смешались с кавказоидами Южной Европы (стр. 577). Создатели «культуры пластин» разнесли ее на огромные пространства, из Западной Азии до Атлантики и до Тихого океана¹. Таким образом, Кун сам счел необходимым внести серьезные ограничения в полицентрическую схему.

Прибавим к стати, что все соображения Куна о той роли, которую метисация играла или могла играть в истории человечества, не очень хорошо согласуются с его конечным выводом о вреде междурасовых смешений. По крайней мере несколько раз, по предположению Куна, метисация содействовала превращению *Homo erectus* в *Homo sapiens*. Было ли в судьбе человечества событие более важное и более решающее, чем этот гигантский шаг вперед? Как совместить такую гипотезу Куна с его заключительным утверждением о нежелательности метисации? Не подтверждает идею о вреде метисации и благополучное существование в настоящее время многомиллионных масс смешанного по крови происхождения. Есть много оснований считать, что в происхождении человека современного типа смешение действительно играло большую роль; это, конечно, не исключает и преемственной связи между локальными формами древних людей и их потомками.

Бесспорны европеоидные черты у европейских и переднеазиатских палеоантропов. В строении зубов имеется значительное сходство между синантропом и монголоидами. Ключ к проблеме происхождения рас как раз и заключается в оценке относительной важности этих местных связей и метисации в центральной области. Если принять во внимание очень большое сходство между современными расами, то естественно будет приписать решающее значение какой-то центральной территории, достаточно обширной, чтобы на ней могли встретиться разные локальные варианты палеоантропов, и в то же время достаточно доступной для длительных общений, для обмена опытом и для смешения. В этом случае, как мы говорили выше, вероятность сохранения плодотворности потомков при метисации была бы больше, чем в случае независимой эволюции в течение сотен тысяч лет на разных окраинах эйкумены.

Кун, конечно, вряд ли мог бы согласиться с таким решением вопроса, так как, пожалуй, основная идея его книги покоится на признании глубочайших различий между ныне живущими расами. Толкование и оценка этих различий даются Куном в явно неблагоприятном для экваториальных рас смысле.

В самом деле, Кун неоднократно возвращается к мысли о том, что австралоиды и конгоиды, совсем недавно переступили порог, разделяющий *Homo sapiens* и *Homo erectus*, между тем как европейцы перешли этот рубеж в незапамятной древности. Очень наглядно выражена эта точка зрения Куна в упоминавшейся уже таблице на стр. 335 «Ступени и линии развития ископаемых гоминид». В столбике, озаглавленном «конгоид», все уровни, начиная с древнейшего — Виллафранкского по Миндель I, заполнены австралопитеками; затем, после Минделя II возникает Шелль-3 с инициалами *Homo erectus*. *Homo sapiens* так и не появляется в этом столбике до самого верха, так как колонку венчают Салданья (Вюрм I) и Брокен-Хилл (Вюрм II); оба отнесены к стадии *Homo erectus*. В столбике «австралоид» *Homo erectus* появляется в виде питекантропов Джетис между Виллафранком и Гюнцем, т. е. в нижнем плейстоцене и продолжает существовать до Вюрма I (Нграндонг), т. е. чрезвычайно долго; его сменяет *Homo sapiens* (Вадьяк на Яве и Ниах на Калимантане) в течение Вюрм II — Вюрм III.

Если же посмотреть на столбик «кавказоид», то там можно увидеть нечто совершенно иное: к *Homo erectus* относится только гейдельбергский человек (Миндель I), а затем почти весь средний плейстоцен заполняют представители *Homo sapiens*, начиная с Миндель-Рисса (Сванкомб, Штейнгейм, потом Фонтешевад). Все мустьерские формы кавказоидов верхнего плейстоцена фигурируют без видového названия, но во всяком случае, по мнению Куна, они перешли верхний рубеж *Homo erectus*.

Автор неоднократно подчеркивает примитивность ныне живущих экваториальных рас. Наглядным выражением этого служит фототаблица XXXII, на которой внизу помещен д-р Личи (директор Academia Sinica), а наверху обнаженная до пояса австралийская женщина Топси из племени тиви. В сопровождающей подписи стоит: «Альфа и Омега *Homo sapiens*: австралийская аборигенная женщина с емкостью черепа меньшей 1000 см³... и китайский мудрец с мозгом, примерно вдвое большим, чем эта величина...». Кун придает, очевидно, огромное значение объему черепа и как показателю умственного развития, и как основному стадийному признаку, разделяющему *Homo sapiens* и *Homo erectus*. Большой объем черепа неандертальцев сближает их с *Homo*

¹ Я здесь не останавливаюсь на археологических построениях Куна. Замечу только, что мне кажется более вероятным продвижение из Передней Азии в Западную Европу носителей культуры не позднего палеолита, а финального мустье, причем физический тип этих носителей мог быть уже очень близок к современному.

sapiens. Кун возражает против выделения какой-то особой систематической группы Homo neanderthalensis; отсутствует у него и стадия палеоантропа. На стр. 336 он почти без оговорок включает европейских палеоантропов в группу Homo sapiens. Эта точка зрения позволяет Куну очень резко противопоставить линию эволюции европеоидов линиям тропических рас, в родословной которых таким образом почти не оказалось иных форм, кроме Homo erectus. Конечно, вполне законно рекомендовать применение термина «неандертальский» только к европейским находкам мустьерского времени. Но речь ведь идет совсем о другом. С точки зрения систематики, Кун недооценивает значение общеизвестного комплекса признаков палеоантропа, таких как надглазничный валик (не надбровные дуги!), низкий свод черепа, его уплощенность в теменном отделе, большая ширина затылка, огромная высота лица, почти полное или полное отсутствие подбородочного выступа, очень высокие орбиты, скошенность щечных плоскостей лица и другие. Он напрасно приписывает сторонникам стадии палеоантропа тенденцию довольствоваться при выделении этой стадии сильными надбровными дугами и наклонным лбом. Со времени Швальбе, т. е. больше шестидесяти лет, такой тенденции в общем не наблюдается.

В итоге у Куна получаются очень странные формы Homo sapiens, например, Штейнгейм. Если считать этот череп женским, то как быть с разницей между наружным и внутренним диаметрами черепа? Она у него просто колоссальна — 29 мм, что полностью сближает его с питекантропом и синантропом (максимальная средняя у современных рас — 17 мм). Если же выразить эту величину в процентах длины эндокрана, то получим 19, что также типично для показателей у питекантропа и синантропа и почти вдвое превышает максимальную среднюю по ныне живущим расам (11); высота лица по отношению к высоте черепа равна у Штейнгейма 66,5, что далеко превосходит современную максимальную среднюю по земному шару (около 60); у него очень плоский теменной отдел свода, чрезвычайно покатый лоб (в особенности для женщины).

Точно так же не содействует решению проблемы антропогенеза квалификация человека из Мапа как Homo sapiens.

Придавая исключительное значение объему черепа, Кун слишком мало внимания уделяет необходимости особой оценки этого признака в каждом конкретном случае. Ведь трудно допустить, чтобы Куну не была ясна разница между малой массой мозга питекантропа и какого-нибудь современного человека / маленькой головой. Это качественно различные явления, так как у питекантропа, без сомнения, были еще недостаточно развиты некоторые специфические для человека области коры полушарий, чего, конечно, абсолютно нет в случае нормальной вариации у ныне живущих людей.

Хорошо известно далее, что определение пола не всегда надежно на отдельных современных черепах. В некоторых отношениях оно еще труднее у древних гоминид. В табл. 37 у Куна можно видеть, что среди находок Дальнего Востока, Явы и Африки число мужских черепов равно 9 из определенных в отношении пола 14 черепов, т. е. около 75%. А в группе из 8 довьюрмских европейских гоминид это число равно 2, т. е. 25%. Если бы, например, даже только в двух случаях пол оказался определен не точно (это чисто условное допущение) и если бы мужских черепов оказалось в европейской серии больше, то масштаб оказался бы изменен, и пришлось бы довьюрмских палеоантропов чуть-чуть отодвинуть к питекантропам. Вот отчего рискованно чрезмерно полагаться на одну только разницу в объеме черепа, например, на 100—200 см³ при построении теории происхождения рас.

Распределение емкости черепа у неантропов и в пространстве, и во времени очень сложно, и трудно установить для него какие-то общие законы. Сам Кун отмечает, что у африканских пигмеев понижение в росте не сопровождалось появлением малоголовости. У бушменов, наоборот, емкость черепа стала гораздо меньше, чем была у их ближайших предков. У современных австралийцев величина емкости, по-видимому, также меньше, чем у более ранних обитателей Австралии (Кейлорский, Когунский, Талгайский черепа). Как объяснить с точки зрения Куна, причисляющего веддов к кавказоидам, то, что церебральный отдел у них меньше, чем у меланезийцев, чем у «кафров», несмотря на то, что последние, как полагает Кун, едва-едва переступили границу, отделяющую их от предков (первых — от питекантропов, а вторых от родезийцев)? Почему индийцы и тамилы оказались обладателями немного меньших черепов, чем африканские негры?

Возвращаясь к Топси из племени тиви, занявшую у Куна столь печальное место в ряду ныне населяющих землю людей, прежде всего отметим, что, упомянув о мудрости ее дальневосточного антипода, Кун тем самым как будто отказался от своего принципа не связывать расу и поведение. Но уж если становиться на путь оценки психического развития аборигенов Австралии, то невозможно удовлетвориться методами аргументации Куна. Археологически нельзя считать типичным орудием их «чопперы». Речь может идти лишь о конце палеолита. Общеизвестны исключительно высокое развитие грамматических форм в австралийских языках, сложнейшая организация брачной системы; требующие большой геометрической сообразительности веревочные игры их детей; очень высокую оценку развития и эстетических качеств музыки у аборигенов Земли Арихем дал Тревор А. Джонс в двух специальных публикациях (1956, 1957);

известно всему миру специальное издание, выпущенное в 1952 г. в Сиднее Мэри Дьюрак Миллер, где были собраны цветные пейзажи и охотничьи сцены, нарисованные несколькими туземцами-подростками из Западной Австралии, из резервата Кэрролуп, и вызвавшие своим мастерством всеобщее изумление.

Впрочем, если говорить и о морфологии аборигенов, некоторые данные Куна поражают сомнение. В табл. 37 длина неба у австралийцев равна (в мм) 57,8 (м) и 57,8 (ж). Такая величина далеко превышает цифры длины неба не только всех народов мира, но и европейских неандертальцев (Саккопасторе I, II, Ла Шапельль, Ла Феррасси, Ле Мустье). Эта цифра либо взята из какой-то особой, выборочной группы, либо получена нестандартным способом измерения (т. е. не от точки «стафилон»). По данным Моранта, длина неба у австралийцев в действительности равна 50,9 мм. Сходные цифры приводили и другие авторы. Не беспристрастен Кун и сближая ископаемые формы гоминид с расами, ныне живущими на той же территории. Вот что он пишет, например, о черепе из Брокен-Хилл: «По фронтальному индексу уплощенности лица и по симотическому индексу (отражающим выгнутость носовых костей у корня носа), родезийский череп попадает в группу кавказондов, в третьем или ринальном индексе уплощенности лица он напоминает древних египтян и приближается к средним величинам в опубликованных сериях негров. В четвертом индексе уплощенности лица, в премаксиллярном, он оставляет позади себя все современные расы. Иными словами, это лицо кавказоида в своем верхнем отделе, конгоида — в среднем отделе и сходно с антропоморфной обезьяной. В целом это лицо всего больше негритянского» (стр. 626). Вывод очевидно совсем не вытекает из характеристики, данной самим Куном. Насколько мало общая конфигурация лица родезийца сближается именно с негром, дает понятие хотя бы индекс, выражающий длину неба в процентах верхней высоты лица: у родезийца он чрезвычайно мал, близок к 50, у современных бурят 61, у норвежцев 63, у негров 68. Это далеко не единственный пример полного отсутствия специфического сходства родезийца и негра. Напомню о чрезвычайно низком фронтально-орбитальном указателе, о нешироком носе родезийца. Несмотря на некоторые очень интересные черты строения зубов, сближающие синантропа и монголоидные расы, никак не следует безоговорочно принимать список из 17 признаков, предложенный Куном, для построения единой линии эволюции от находки в пещере Котцетанг до современных монголоидов. Что специфически монгольского в малой величине полулунной косточки? У негров, меланезийцев, австралийцев она немного меньше, чем у северных китайцев. Сильная шероховатость (место прикрепления дельтовидной мышцы) на плече может ли считаться монголоидным признаком? Ее наблюдали не только у огнеземельцев, но и у людей неолитического времени в разных областях Западной Европы. Утолщение барабанной части височной кости характерно не только для синантропа, но и для неандертальцев Западной Европы. Экзостозы в наружном слуховом проходе у негров, австралийцев, египтян встретились почти так же часто, как у индейцев, и чаще, чем у эскимосов; имеется предположение, что этому содействует деформация черепа. Широкие носовые кости совсем не типичны для монголоидов, наоборот, типичны узкие.

Как мы говорили выше, для правильного решения вопроса о происхождении рас следует стремиться выяснять относительную роль преемственной связи местной расы с ее древними предшественниками, но не забывая и о большом взаимном сходстве между ныне живущими расами. К сожалению, это сходство почти не нашло своего места в подробной монографии Куна. Вот отчего, как уже было сказано, несмотря на все бесспорные достоинства его книги, она, к сожалению, будет с большой горечью встречена специалистами-антропологами и получит одобрение сторонников расовой дискриминации. Они оценят слова сочувствия, высказанные Куном в адрес европейских колонизаторов Африки, и полное молчание, которым он обошел бесправное положение темнокожих рас.

Я. Рогинский